

полагается отвлеченное понятие о природном достоинстве человека как такового, – признакам человечности приписывается положительная ценность и мерилom приближения к совершенству человеческой личности признается гармоническое развитие и равновесие этих способностей.

Колыбель гуманизма – эллинизм, в особенности ионийское. Гуманизм проявился в афинской демократии, в протагоровском "человек есть мера всех вещей". Но дух гуманизма оказывается чужд религиозным воззрениям эллинизма. Орфики утверждали, что человек есть смесь мятежного, титанического начала и духовного огня Диониса. Путь освобождения – долгий и трудный путь. Гуманизм – лишь только один из этапов на этом пути человеческого освобождения и искупления.

Кризис гуманизма – кризис внутренней формы человеческого самосознания в личности и через личность. В душах воцарилось смутное ощущение всечеловеческого целого и породило в них тягу к сплочению. Гуманизм изживается, поскольку изживается индивидуация, принцип обособленности человеческих существований.

Последний и трагический гуманист Ницше преодолел в себе гуманизм презрев человеческое, и возвестил "Сверхчеловека". О том же говорит Федоров с его думой о "вселенском деле" воскрешения отцов, не осуществимом без преодоления индивидуации, Вл. Соловьев, с его проповедью всемирного богочеловечества, Достоевский, с его учением о вине всякого перед всеми за всех и за все.

Обретение нового видения – в мысли "человек един". Соборность – новая энергия и ценность, не присущая человеку в отдельности. Это – не гуманистический взгляд, но источник тот же – эллинизм, религиозная жизнь и мысль античной Греции: Орест, преследуемый Эринниями, молит Феба об очищении – и внутреннее очищение затем утверждается соборным решением Ареопага.

Т.С.Кузубова
г. Екатеринбург

ТРАГИЗМ КУЛЬТУРЫ В ИСТОЛКОВАНИИ Ф.НИЦШЕ

Фундаментальное осмысление Ф.Ницше кризиса европейской культуры было одновременно напряженной рефлексией над феноменами человека и культуры как его произведения. Т.Манн, называя Ницше крупнейшим культурфилософом, отмечал, что его критика европейской культуры на свой лад обнаруживает "бесконечное преклонение" перед ней. Олицетворяя собой "острие всей культуры" /А.Белый/, Ницше в страстном и вместе с тем устремленном к предельной правдивости исследовании культуры выразил ее коллизии в сплаве с трагическими противоречиями собственного духа. Констатируя с глубокой тревогой утрату европейским человеком смысла бытия, обесценение прежних ценностей, Ницше искал ответ на кардинальный вопрос: "на каком основании и ради чего человек ищет смысл" /Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С.79/, почему разочарованием в существовании смысла он "за- тронут и угрожаем, даже сотрясаем в своем положении в мире" /Там же/

Согласно Ницше, культура в ее "позитивном" значении /в противоположность расхожему пониманию ее как "приручения" человека/ – это творчество, тождественно оцениваю и "о-смыслению" мира. "Человек" означает "оценивающий", оценивать значит создавать, "через оценку впервые является ценность: и без оценки был бы пуст орех бытия" /Ницше Ф. Сочинения в 2 т. М., 1990. Т.2. С.42./ Оценивание, истолкование и "перетолкование" мира коренятся в сути самой жизни /а не только человеческого бытия/ – воле к власти. Жизнь перспективна, Ницше говорит о "спонтанных, наступательных, переступательных, наново толкующих, наново направляющих и созидательных силах", задающих всякий раз новую перспективу, точку зрения на мир, новую ценность.

В этом смысле существо человек и его культурное бытие парадоксальны. Вступление человека в мир культуры означало "разрыв", "прыжок", "насилованное отпарывание от животного прошлого" /Ф.Ницше/. Задачей культуры стало "выдрессировать" животное, способное распоряжаться будущим, "смеющее обещать", обладающее памятью воли – ответственностью, совестью. Не находя разрядки вовне, они обратились на самого человека, были вытеснены и заперты в возникшем "внутреннем мире" Страницы "К генеалогии морали", где изображено вступление человека в мир культуры, во всем существенном предвосхищают анализ культуры Фрейдом. По оценке самого Ницше, "жестокость впервые освещается здесь как одно из самых старых и самых неустрашимых оснований культуры" /Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т.2. С.755/. Инстинкт жестокости описывается Ницше как сущностная черта жизни, нацеленной на власть. Воля к власти обращается вовнутрь, становится формообразующей силой, материалом для которой оказывается животная самость человека. Вытесненный и разряжающийся в самом себе инстинкт свободы становится "нечистой совестью" и формообразующим началом культуры. Этот эпохальный "прыжок" Ницше изображает как роковое событие, "грехопадение", предопределившее всю историю культуры: однако оценка этого кардинального изменения двойственна. Именно с него начинается "величайшее заболевание" человечества – страдание человека человеком, которое выливается в проблему истолкования страдания, в "страдание проблемой своего же смысла". Такая оценка предопределяет трактовку истоки культуры и самого человеческого существования как декаданса, завершающегося нигилистическим отчаянием. С другой стороны, это событие означало появление на земле совершенно нового, неслыханного феномена – человека, существа, сотворившего из себя "авантюру и застеноч", "самоэкспериментатора и неугомона". "бьющегося до крови о прутья своей решетки зверя", в страданиях творящего красоту. Взятая в этом аспекте, парадоксальность и нерешенность человеческого существования таит в себе невиданные возможности: "с тех пор человек поставлен на кон", он – "путь", "мост", "великое обещание"

Та же двойственность сказывается и в трактовке Ницше феномена "нечистой совести", той почвы, на которой вырастают все высшие культурные ценности.

В "нечистой совести" совершилась воля человека к самоистязанию.

Ницше говорит даже, что нечистая совесть – изобретение человека *ressentiment*, человека реактивного одержимого бессильной жаждой мести. Его же творение – существовавшие до сих пор ценности, ценности декаданса. Однако на страницах "К генеалогии морали" "воля к самоистязанию" обнаруживает и свою другую сторону, и в описании этого феномена звучит скрытое восхищение. "Это тайное самонасилия, эта жестокость художника, эта радость придавать себе форму как трудному, сопротивляющемуся, страдающему материалу"/Ницше Ф. Сочинение в 2 т. Т.2. С.463/, эта активная "нечистая совесть" произвела в конце концов на свет...некое изобилие новых и странных красот и, может быть, вообще и саму красоту.../Там же/. Если к этой характеристике присоединить знаменитое ницшевское "в человеке тварь и творец соединены воедино", то "нечистая совесть" предстает в качестве сущностной черты феномена "человек", синонима культурного бытия человека.

Негативная оценка "нечистой совести" у Ницше преобладает, ее возникновение – некая "порча", с неизбежностью порождающая интерпретацию жизни в форме аскетического идеала. Завершенным воплощением аскетического идеала, толкующего жизнь лишь как мост в инобытие, выступает христианство. Однако, по Ницше, аскетический идеал с непреодолимостью всплывает во все времена, ибо коренится в какой-то необходимости первого ранга. Воля к самоистязанию, трагедия человеческого бытия требуют "божественный зрителей", религиозная интерпретация – это перетолк "нечистой совести", страдания человека самим собой в вину перед Богом. Аскетический идеал – уникальная "замкнутая система воли, цели и интерпретации", в которой дало себя знать возобладание болезненного подвергнутого цивилизации и приручению человека. В аскетическом идеале, воплощениями которого предстают искусство, философия, мораль, наука, вся европейская культура вообще, было истолковано страдание, дан ответ на вопрос о смысле человеческого существования, человеческая воля обрела цель и тем была спасена. Однако трагизм культурного бытия человека лишь усугубляется аскетическим идеалом, идеалом *decadence*.

Роковое заблуждение состоит в забвении того факта, что человек сам "конструирует из себя весь мир", что высшие культурные ценности – это перспективы человеческой воли к власти, а вовсе не самосущий истинный мир, перед которым до сих пор склонялся человек, страдающий проблемой собственного смысла. Единственная доселе интерпретация мира воплощает "бунт против радикальнейших предпосылок жизни", волю к Ничто. В конечном счете сама совесть в качестве христианской правдивости обнаруживает фальшь христианского мироистолкования. Аскетический идеал приходит к самоупряднению /как все "великие вещи" в мире/, прежняя интерпретация сменяется новой – проектом мира как воли к власти /М.Хайдеггер. "Всю красоту и возвышенность, какими мы наделили действительные и воображенные вещи, я хочу затребовать назад как собственность и произведение человека: как его прекраснейшую апологию"/Цит.по:Хайдеггер М. Время и бытие. С.109/. В "созидающей грёзе"/А.Белый/ Ницше человек "нечистой совести" преодолевается в сверхчеловеке, вступающем в эпоху "второй невинности", творящем ценности "по ту сторону добра и зла", соединяющем в

себе и актера, и божественного зрителя. Христианство преодолевается в "сверххристианстве" /К.Ясперс/, моральное мироистолкование – в эстетическом, культура – в "сверхкультуре"

С.В.Аражанухин
г. Екатеринбург

В сообщении С.В.Аражанухина "Особенности мировоззрения русских массонов" были выделены и охарактеризованы следующие положения масонской философии: идея иерархической структуры бытия и христианского креационизма, понимание природы как макроантропоса, понятие свободы воли, требование поэтапного формирования нравственно-религиозного сознания братьев, учение о самопознании ("Царство Божие – внутри нас"), утверждение о "соборной природе" познавательного процесса. Как было подчеркнуто, центральное место в мировоззрении русских вольных каменщиков занимает идея "соработничества" Бога и человека, а целью жизни массона – достижение "обожания"

Н.В.Васильева
г. Екатеринбург

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ РОССИИ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Вопрос о месте России в мировом историческом процессе является дискуссионным. Эта проблема всегда была в центре внимания исторической науки. Историки разных эпох с разных методологических позиций пытались понять закономерности и особенности исторического пути России, ее место в мировом историческом пространстве. Концептуальной основой, исходя из которой средневековые историки конструировали исторические произведения, была религиозно-христианская картина видения мира. Согласно этой концепции, исторический процесс понимается как результат реализации божественного непознаваемого замысла. Эта эсхатологическая модель, линейная схема исторического процесса, имеющая начало Рождение Христа и конец Страшный суд. Древнерусские летописцы отражают период государственного самоопределения Руси, включения ее в общецивилизационный поток. В "Повести временных лет" /IX–XXI вв./ дана собственно русская интерпретация истории. Осмысливая исторический путь развития Древней Руси, они высказывали мысль о его самостоятельности, происходящей из внутреннего порыва принятия христианства. Бог без посредников освятил славян, внутренне готовых к принятию христианства. Отсюда делается вывод о том, что русский народ имеет равные права с другими народами, а Киевская Русь равноправна со всеми другими христианскими государствами, но при этом русский народ единственный богоизбранный народ. Таким образом, высказывалась идея о самоценности русского народа, связи русской истории с Христом. С одной стороны, эта концепция дает понимание особенности исторического пути России, с другой, ограничивает возможности синхронизации русской истории с